

В. С. Мильбах, В. В. Ларькин

Командующие войсками Закавказского военного округа в 1937–1938 гг. и их роль в процессе массовых политических репрессий командно-начальствующего состава

Мильбах

Владимир Спартакович,

доктор исторических

наук, профессор,

Михайловская военная

артиллерийская

академия

(Санкт-Петербург,

Россия)

Ларькин

Валентин Викторович,

адъюнкт,

Михайловская военная

артиллерийская

академия

(Санкт-Петербург,

Россия)

Закавказский военный округ (далее — ЗакВО) — оперативно-стратегическое территориальное объединение Вооруженных Сил СССР, один из приграничных военных округов Красной армии, расположенный на территории Азербайджанской, Армянской и Грузинской советских социалистических республик, которые в 1922–1936 гг. существовали в виде федерации — Закавказской Социалистической Федеративной Советской Республики. Развернувшиеся во второй половине 1930-х гг. внутривойсковые события оказали значительное влияние на состояние боеспособности войск ЗакВО. Необходимо осветить роль командования ЗакВО в процессе политической чистки 1937–1938 гг., в первую очередь — командующих войсками военного округа, а также членов Военного совета ЗакВО.

Значительная часть военной службы командарма 2-го ранга Левандовского Михаила Карловича, поляка по национальности и уроженца г. Тифлиса, проходила на многонациональном Кавказе. В годы гражданской войны он воевал на Северном Кавказе, командовал различными соединениями и объединениями Красной Армии, в частности руководил 11-й армией, действующей в Закавказье. С 1925 г. командовал Кавказской Краснознаменной армией. В 1933 г. находился на учебе в Германии, после чего был вновь назначен командующим Кавказской Краснознаменной армией, преобразованной в 1935 г. в ЗакВО.

М.К. Левандовский имел значительный политический вес в регионе и в армии: член Военного совета при наркомате

обороны; член ВЦИК и ЦИК СССР (с 1927 г.); депутат Верховного Совета СССР 1-го созыва; делегат 16-го и 17-го съездов партии. Он был награжден орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденом Красного Знамени Азербайджанской ССР и орденом Трудового Красного Знамени Таджикской ССР.

В официальных выступлениях командарм 2 ранга М. К. Левандовский подчеркивал свою преданность И. В. Сталину, а также первому секретарю Закавказского крайкома и первому секретарю ЦК КП(б) Грузии Л. П. Берии. Так, 12 февраля 1937 г. в выступлении на VIII Всегрузинском съезде Советов он превозносил гений И. В. Сталина, организаторские способности Л. П. Берии, и гневно клеймил позором политических оппозиционеров: «Подлые гады троцкисты, зиновьевцы всегда шипели со всех углов о невозможности победы социализма в нашей стране. Прошедший недавно процесс над бандой фашистов, изменников и предателей Пятакова, Радека, Серебрякова, Муралова и других, воочию показал всем, в какое болото фашизма скатились эти изменники, шпионы, предатели рабочего класса, предатели трудящихся масс, изменники социализма и на какие пути борьбы они стали. Вы знаете также и о том, что их последователи фашисты в лице Буду, Мдивани, Окуджава, Агнишвили и ряд других у нас в ГрССР подняли оружие на нашу партию, на ее руководителей. <...> Благодаря руководству одного из славных учеников тов. Сталина, товарища Лаврентия Берия республики Закавказья вышли на самостоятельные пути дальнейшего экономического, политического и культурного своего роста»¹. Отметил Левандовский и успехи вверенных ему войск: «Итоги боевой и политической учебы за прошлый год показали, что Закавказский Военный Округ сумел выйти в ряды лучших Округов Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Все дивизии ЗакВО за отличную боевую и политическую учебу получили от нашего Союзного Правительства высшие награды»².

Богатый военный и жизненный опыт, долгие годы службы на Кавказе сформировали отношение М. К. Левандовского к своим заместителям и командирам кавказских национальных формирований. Зная многих из них по гражданской войне и трудному периоду становления Советской власти на Кавказе, к некоторым из них он испытывал политическое недоверие. Об отдельных командирах (начальниках) он докладывал наркому обороны. Например, в начале 1937 г. М. К. Левандовский сообщил о подозрительном поведении полковника В. Ф. Мыздрикова, на что К. Е. Ворошилов телеграфировал 16 февраля: «Дело Мыздрикова разобрал в Москве, ничего существенного за ним не обнаружено»³. Тем не менее, полковник В. Ф. Мыздриков был арестован органами НКВД, а его увольнение было оформлено 28 сентября 1937 г. по ст. 43 п. «б» (в аттестационном порядке по служебному несоответствию) Положения о прохождении службы начсоставом. В. Ф. Мыздриков, незадолго до ареста назначенный командиром 20-й горнострелковой дивизии, решением «тройки» НКВД ГрССР 9 ноября 1937 г. был приговорен к высшей мере наказания и расстрелян на следующий день. Однако то, что его судьба была решена раньше, свидетель-

ствуют списки подлежащих суду Военной коллегией Верховного суда СССР (сталинские списки) от 21 октября 1937 г., где он записан под № 207⁴.

Решения февральско-мартовского 1937 г. пленума партии подвигли командующего войсками Закавказского М. К. Левандовского на то, чтобы открыто назвать фамилии не вызывающих политического доверия командиров и начальников, и тем самым выразить свою позицию относительно разворачивающихся в стране внутривластных событий. 29 марта 1937 г. Левандовский обращался к наркому обороны: «Прошу о снятии бригадного инженера тов. Петрова с должности начальника АБТ войск округа и переводе его на другую работу вне пределов округа»⁵. О. Д. Петров был арестован органами НКВД 4 июля 1937 г.

О санкции на арест некоторых военнослужащих М. К. Левандовский ходатайствовал перед наркомом с подачи органов НКВД, как в случае с капитаном Г. Л. Енукидзе: «Военком Манглинского района Енукидзе Галактион родственник Авеля Енукидзе⁶ основании материалов особого отдела обвиняется причастности контрреволюционной троцкистской группировке просят разрешения ареста т.чч Енукидзе исключается из партии прошу санкции ареста»⁷. Арест капитана Г. Л. Енукидзе был санкционирован приказом НКО № 0206 о его увольнении. 14 июня 1938 г. «тройкой» НКВД СССР он был приговорен к 10 годам лишения свободы.

После проведения окружного партийного актива М. К. Левандовский 11 апреля 1937 г. направил К. Е. Ворошилову послание, в котором отмечал недопустимую политическую близорукость начальника политуправления округа А. П. Ярцева (при выдвижении на должность начальника Кировоканской летной школы Филатова умолчал о принадлежности его к троцкизму) и начальников политотделов ряда соединений: «Считаю это грубой политической ошибкой тов. Ярцева, о чем я, как член ВКП(б) и доношу до Вашего сведения. Политические ошибки, обман партии со стороны Шустова, Левина, отсутствие крепкой и определенной четкой партийной линии Абрамяна, его двурушничество — заставляет меня поставить вопрос перед Вами о снятии их с должностей Начальников политотделов дивизий»⁸.

Включившись в процесс политической «чистки», М. К. Левандовский весной 1937 г. систематически направлял в Москву телеграммы с ходатайством об увольнении по политическим мотивам подчиненных командиров и начальников. Например, в начале марта он обращался к начальнику Политуправления РККА Я. Б. Гамарнику с просьбой уволить не заслуживающих политического доверия лейтенанта Г. К. Бархударяна и техника-интенданта 2 ранга М. А. Кренделя, отмечая, что последний хвалил Гитлера⁹. 8 марта 1937 г. Левандовский телеграфировал Ворошилову о том, что брат старшего лейтенанта Г. К. Мчедлишвили является активным контрреволюционером, и ходатайствовал: «Прошу об увольнении и санкции на арест»¹⁰. Вскоре Бархударян и Мчедлишвили были уволены из армии приказами наркома с пометкой «ОУ», то есть после увольнения они должны

были попасть под особый учет органов госбезопасности. 24 марта Левандовский просил об увольнении «как явных троцкистов-контрреволюционеров» лейтенанта А. Х. Хачатряна и воентехника 1 ранга Д. И. Хуцулаури, 15 апреля — военврача 3-го ранга М. В. Бебуришвили и интенданта 3-го ранга Г. Я. Грача (поручик царской армии); 29 апреля — капитана Ю. А.-О. Багирова (принадлежал к троцкистской контрреволюционной организации), 30 апреля — лейтенанта Ш. О. Мхиторяна; 8 мая — лейтенанта З. И. Хейхеля (за фразу: «Несмотря на все, Троцкий остается первым оратором в мире»), 9 мая — старшего лейтенанта С. С. Доли (с мая по октябрь 1919 г. служил у Колчака)¹¹.

Документы служебной переписки свидетельствуют, что командующий ЗакВО настойчиво добивался скорейшего увольнения из армии некоторых командиров и начальников. Например, 29 апреля 1937 г. он отдавал распоряжение соответствующим начальникам по скорейшему оформлению увольнения некоторых тыловых работников: «Скорее заготовьте рапорт Наркому Обороне СССР об увольнении Мачавариани и Окуджава»¹². Не прошло и недели, как интендант 3-го ранга А. Н. Окуджава был уволен из армии приказом НКВД № 00109 с пометкой «ОУ», а затем арестован; вскоре был уволен и арестован органами НКВД и капитан Д. И. Мачавариани.

После обращения М. К. Левандовского с ходатайством об увольнении двух командиров из 24-го кавалерийского полка он получил от начальника Управления по командному составу РККА шифротелеграмму № 140 от 17 мая 1937 г.: «КОМАНДАРМУ 2 РАНГА тов. ЛЕВАНДОВСКОМУ. НА № 111. Увольнение САНИКИДЗЕ и ЧАВЧАВАДЗЕ Нарком РАЗРЕШИЛ. БУЛИН»¹³. Вскоре старшие лейтенанты Г. Д. Саникидзе и Г. М. Чавчавадзе были арестованы по обвинению в политических преступлениях и 1 октября 1937 г. Военной коллегией Верховного суда СССР приговорены к расстрелу.

Весной 1937 г. аресты в ЗакВО распространялись, вовлекая все новых и новых командиров. М. К. Левандовский 9 мая 1937 г. телеграфировал наркому обороны: «В связи с арестом за шпионаж и предательство Алафузо, Тухарели, Мосидзе и Кутателадзе, прошу об увольнении из РККА нижеследующих лиц командного и начальствующего состава, имевших с ними не только тесную служебную связь, но и личные близкие связи: 1. Б. начальника 2 отделения СКО (строительно-квартирного отдела. — В. М., В. Л.) ЗакВО интендант 1 ранга Мачавариани Шалву Бичиевича, 1895 г.р., беспартийного <...> 2. Начальника 3 отделения 6 отдела штаба ЗакВО интенданта 1 ранга Тер-Егиазарова Сурена Аваковича, 1891 г. р. <...> 3. Военного руководителя Тбилисского гос. Университета полковника Гедеванова (Гедеванишвили) Николая Константиновича, 1881 г.р. <...> 4. Помощника начальника 2 отдела штаба ЗакВО майора Паридзе Николая Александровича, 1891 г.р.»¹⁴.

Командующий войсками ЗакВО не оставлял без внимания и семьи тех, кто был объявлен врагом народа. Не прошло и двух недель после ареста помощника командующего войсками ЗакВО Г. А. Тухарели, б. помощника командующего Г. Н. Кутателадзе и коман-

дира полка А. П. Мосидзе, как М. К. Левандовский телеграммой № 114 от 29 апреля 1937 г. решительно потребовал от начальника строительного-квартирного отдела: «Шаповалову. Примите меры к выселению из квартиры семей арестованных Тухарели, Кутателадзе, Мосидзе»¹⁵.

Нельзя сказать, что командующий войсками ЗакВО не осознавал пагубности последствий политики репрессий. Документы свидетельствуют, что после ареста помощника по материально-техническому обеспечению комдива Г. А. Тухарели и начальника штаба округа комдива С. М. Савицкого он выражал озабоченность укомплектованностью управленческого звена военного округа, где некомплект составил 12 человек¹⁶. Однако процесс политической «чистки» захватил его настолько, что он продолжал активно избавляться от тех, кто, по его мнению, не заслуживал политического доверия. Это подтверждает документ «Список лиц начсостава штаба ЗакВО, подлежащих увольнению или переводу в другие округа», в котором значатся семь начальников отделений и помощников начальников отделов (отделений) штаба¹⁷. Анализ содержания данного списка показывает, что из всех в нем перечисленных только начальник 1-го отделения 1-го отдела штаба ЗакВО майор Ф. Д. Кулишев продолжил службу в РККА, остальные были уволены и арестованы.

Следуя партийному долгу, М. К. Левандовский 14 мая 1937 г. сообщал «для сведения» начальнику Академии Генерального штаба комдиву Д. А. Кучинскому, что на прошедших партсобраниях и партконференции округа было заявлено со стороны некоторых делегатов следующее: слушатель академии бывший командир 47-й дивизии «комбриг тов. Агладзе Л. М. имел тесную связь с ныне арестованным за шпионаж»; слушатель «б. зам. НШ округа комбриг Петрусевиц был тесно связан с ныне арестованным за шпионаж»¹⁸.

Однако нарком обороны проявлял недовольство стилем М. К. Левандовского в руководстве войсками. Об этом свидетельствует, например, содержание телеграммы К. Е. Ворошилова, направленной М. К. Левандовскому 5 мая 1937 г. Среди прочего наркомом даны следующие распоряжения: «...отменяю и Вашу „глубокую“ проверку ПВО Баку, а еще и в последний раз подтверждаю неоднократные мои указания заняться ПВО Баку лично и вплотную. Нужно не проверять того, что не сделано, а начать работать самому, заставить работать других и руководить этой работой»¹⁹.

Нарком обороны лишь в исключительных случаях уведомлял лично командующих военными округами о разрешении на арест того или иного командира. Как правило, о получении санкции наркома на увольнение некоторых командиров Левандовский получал телеграфное уведомления от начальника Управления по командному и начальствующему составу. О предстоящих кадровых заменах в высшем командном составе ЗакВО армейский комиссар 2-го ранга А. С. Булин уведомлял командующего войсками ЗакВО. Например, шифротелеграммой № 141 от 18 мая 1937 г. он сообщал: «КОМАНДАРМУ 2 РАНГА

тов. ЛЕВАНДОВСКОМУ. Должность нач. штаба округа и пом. комвойсками послано на утверждение кандидатуры: первую КОМДИВА ЛЬВОВА — Командира 60 СД и вторую КОМДИВА 45 СД Командира ЗУСМАНОВИЧА»²⁰. Содержание данного документа свидетельствовало о том, что на ранней стадии массовых репрессий советское военно-политическое руководство с достаточной оперативностью успевало решать кадровые вопросы и реагировать на потери высшего комсостава в результате арестов.

6 июня 1937 г. начальником Управления по командному и начальствующему составу А. С. Булиным была разослана шифротелеграмма следующего содержания: «Командующим и ЧВС военных округов (флотов), командирам и комиссарам флотилий. Нарком приказал всех исключенных из партии по политическим мотивам увольнять запас своим приказом статье 43 пункт Б/ОУ одновременным донесением управление по н/с при НКЮ для проведения приказом НКЮ СССР этих увольнений. Вместе с донесениями представлять исчерпывающий материал, послуживший основанием увольнению»²¹. Вводя подобные меры, военно-политическое руководство не только расширяло репрессии против командно-начальствующего состава, делегируя в период массовой политической чистки окружному командованию право карать, оно вовлекало его в преступную деятельность по истреблению командно-начальствующего состава.

Оценивая деятельность командарма 2-го ранга М. К. Левандовского в условиях расширения массовых политических репрессий, необходимо отметить, что он, коммунист с января 1920 г., активно откликнулся на партийный призыв по очистке партии, армии и страны от явных и замаскированных врагов, пытался лично возглавить работу по выкорчевыванию враждебных и социально чуждых элементов из войск ЗакВО. Нельзя не отметить, что на этой почве непростые взаимоотношения М. К. Левандовского с начальником политуправления военного округа еще более усложнились, и это не являлось тайной. Секретарь ЦК КП(б) Грузии Л. П. Берия по этому поводу 5 мая 1937 г. направил телеграмму К. Е. Ворошилову: «Пересылаю Вам копию докладной записки НКВД Грузинской ССР по поводу взаимоотношений командующего войсками ЗакВО т. Левандовского и начальником Политуправления ЗакВО т. Ярцевым»²². Распри между двумя высокопоставленными военными не могли положительно повлиять на решение вопросов военного управления.

В начале июня 1937 г. М. К. Левандовский был назначен командующим Приморской группой войск Особой Краснознаменной Дальневосточной армии, однако телеграммы от его имени об аресте отдельных представителей командного состава ЗакВО продолжали направлять в адрес наркома обороны. Об этом свидетельствует телеграмма командующего войсками ЗакВО, направленная К. Е. Ворошилову 23 июня: «Установлено врач 229 Азербайджанского полка военврач 3-го ранга Халилов Курбан Халил-Оглы систематически ведет контрреволюционную работу против партии и правительства. Начинж 231 Азер-

байджанского полка старший лейтенант Мамедов Насиф Мамед-Оглы, командир роты 230 Азербайджанского полка старший лейтенант Тагиев Абдул Али связаны контрреволюционной подпольной организацией ведут активную работу. Прошу разрешения увольнения всех трех последующим арестом»²³. Вскоре все трое были уволены, а затем арестованы органами НКВД.

Следует отметить, что отголоски служебной деятельности М. К. Левандовского на Кавказе сыграли в его судьбе роковую роль. Через некоторое время народному комиссару внутренних дел Грузинской ССР поступило заявление от бывшего начальника 2-го отдела штаба ЗакВО полковника В. Ф. Мыздрикова, арестованного органами НКВД. Писавший подчеркивал важность своего послания в компетентные органы: «Настоящим заявлением я хочу изложить о роли и значении М. К. Левандовского, как руководителя всех антисоветски настроенных командиров ЗакВО». В заявлении от 23 сентября 1937 г. было написано: «В своей работе Левандовский игнорировал работу ПУОКРА и страшно возмущался, когда слышал в докладах, что тот или иной вопрос задерживается или же получает другой характер практического разрешения. Он очень расстроился, когда в день празднования 15-летия республики Азербайджан на торжественном собрании ему не дали слова, никто не сказал о нем, а между тем он в 1920 году занимал Баку и защищал Азербайджан от муссаватистов».²⁴

Командующий Приморской группой войск командарм 2-го ранга М. К. Левандовский был арестован органами НКВД 23 февраля 1938 г. Весной того же года последовали допросы Левандовского и других арестованных в тот период по делу о «военном заговоре».

Назначение М. К. Левандовского командующим Приморской группой войск Особой Краснознаменной Дальневосточной армии являлось одним из этапов по замене руководства ЗакВО. Вместо переведенных к новому месту службы командарма 2-го ранга М. К. Левандовского и его заместителя комкора В. Н. Соколова²⁵, а также арестованных комдивов Г. А. Тухарели (начальник тыла военного округа), С. М. Савицкого (начальник штаба военного округа) к руководству войсками военного округа летом 1937 г. пришло новое командование во главе с комкором Н. В. Куйбышевым (брат известного революционера В. В. Куйбышева). Заместителем командующего ЗакВО был назначен комкор В. М. Мулин²⁶, начальником тыла назначен комдив Г. М. Зусманович²⁷, начальником штаба ЗакВО — комдив В. Н. Львов²⁸, начальником политуправления военного округа — дивизионный комиссар К. К. Раздольский, членом Военсовета ЗакВО — корпусной комиссар М. Я. Апсе.

После назначения в июне 1937 г. Н. В. Куйбышева на должность командующего войсками ЗакВО, он неизбежно включился в репрессивный процесс, который широко охватил все структуры военного округа. Документы переписки вновь назначенного командующего с кадровыми органами в июне 1937 г., а также с наркомом обороны и политуправлением РККА свидетельствуют о том, что в период своего становления в должности комкор

Куйбышев уделял внимание не только административным, но и политическим вопросам. Например, 14 июня Н. В. Куйбышев телеграфировал К. Е. Ворошилову: «Прошу разрешения арестовать предать суду делопроизводителя Тбилисского райвоенкомата техника-интенданта 2 ранга Гацерелия Акакия Васильевича уличенного взяточничестве»²⁹. Обращение получило поддержку московского руководства, 18 июня 1937 г. Н. В. Куйбышевым была получена шифрограмма от армейского комиссара 2-го ранга А.С. Булина: «На № 142 Нарком санкционировал арест предание суду делопроизводителя Тбилисского районного военного комиссариата Гацерелия Акакия Васильевича»³⁰. В том же месяце Н. В. Куйбышев обращался к наркомом с просьбой об увольнении старшего лейтенанта П. М. Рудзиса и воентехника 2-го ранга Н. Л. Педаева³¹.

Органы НКВД информировали Н. В. Куйбышева о существующих проблемах в политическом состоянии войск и об ошибках предыдущего командования. Так, 29 июня 1937 г. в спецсообщении начальника ОО НКВД СССР по ЗакВО майора ГБ Максименко до командующего войсками военного округа доводилось следующее: «На протяжении довольно продолжительного периода времени (с начала 1935 г.) между б. Командующим ЗакВО т. Левандовским и б. нач. ПУОкра т. Ярцевым существовали нездоровые взаимоотношения, которые создавали разлад в руководстве Округа — дали серьезные последствия в виде прорывов в политическом состоянии отдельных дивизий и частей...»³².

Внутриполитические события в стране и в армии делали неизбежным участие командующего военным округом в репрессивном процессе. В частности, он понимал, что наиболее эффективный способ избавиться от нерадивых командиров — придать делу об административном, хозяйственном и пр. нарушении политический характер. Например, 12 июля 1937 г. В. Н. Куйбышев телеграфировал К. Е. Ворошилову: «Начотделения 1 отдела штаокра майора Никитина за пропажу совсекретного документа безобразное хранение совсекретной переписки отстранить от должности. Находясь оперативной работе имел подозрительные связи контрреволюционными элементами. Прошу уволить из РККА»³³. Майор А. А. Никитин был уволен приказом НКО № 00194/ОУ по статье 43 п. «б» Положения о прохождении службы, то есть в аттестационном порядке по служебному несоответствию, но уже 16 июля того же года оказался в застенках НКВД.

Сообщение подобного рода в переписке командующего войсками ЗакВО с наркомом обороны летом 1937 г. было далеко не единственным. 30 июня 1937 г. Маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов направил на имя командующего войсками ЗакВО шифрограмму с разрешением «уволить врача Халилова, начинжа 231 сп Мамедова, командира роты 230 сп Тагиева»³⁴. 26 июля 1937 г. нарком обороны телеграфировал Куйбышеву о санкции на арест командира 77-й горнострелковой дивизии: «Дано согласие арестовать Везирова»³⁵. Вскоре все фигурирующие в переписке командиры и начальники были арестованы по обвинению в политических преступлениях.

Судя по содержанию переписки К. Е. Ворошилова с Н. В. Куйбышевым, нарком обороны не оставлял без внимания процесс политической «чистки» в ЗакВО. Например, на телеграмму Куйбышева о необходимости увольнения майора Никитина из оперативного отдела штаба округа нарком ответил: «Отдать под суд и уволить из РККА. 13.7. с.г. КВ»³⁶. Приказом НКО №00193/ОУ от 16 июля 1937 г. майор А. А. Никитин был уволен из РККА.

После телеграммы Л. П. Берии о разоблаченных врагах народа К. Е. Ворошилов 10 июля 1937 г. отдал распоряжение Н. В. Куйбышеву: «По телеграмме т. Берия изымаются ЗакВО командиры, о которых он Вам расскажет. Необходимо немедленно на месте наметить замещающих лиц. Не выезжайте Москву пока не проделаете этой срочной работы»³⁷. Следующая шифротелеграмма за № 226, полученная 16 июля 1937 г. командующим войсками ЗакВО от заместителя начальника Управления по командно-начальствующему составу РККА комдива И. Я. Хорошилова, уточняет, о ком вел речь нарком обороны: «Прошу срочно сообщить кандидатов должность командиров полков представленных увольнению

140 Легашвили

188 Шотадзе

189 Месхишвили

227 Авакимян

НШ 47 Калайдадзе вместо Талыб-Заде идущего наштадивом»³⁸.

Увольнение данных командиров было оформлено приказом НКО № 3123 от 16 августа 1937 г. по статье 43 п. «б», хотя их судьба была решена гораздо раньше и в итоге все они были приговорены к расстрелу за контрреволюционные преступления. Командующему войсками ЗакВО Н. В. Куйбышеву оставалось только искать кадровую замену полковникам, которых группами арестовывали по обвинению в заговорщической деятельности.

29 июля 1937 г. нарком обороны подписал следующую шифротелеграмму: «Берия, копия Куйбышеву. Арест Буачидзе Ф., Шония А., Иорамашвили И., Чхеидзе С., Имеришвили В., Харебава А. согласен. Ворошилов»³⁹. С легкостью отдавая своих подчиненных органам НКВД, «железный» нарком не мог не знать, что обрекает их на смерть. Командир 63-й горнострелковой дивизии комдив Ф. М. Буачидзе был арестован на следующий день, а еще через день он был забит до смерти во время допроса. Работники грузинских военкоматов капитаны А. М. Шония и И. М. Иорамашвили, майор С. А. Чхеидзе, интендант 3-го ранга В. А. Имеришвили и А. М. Харебава также вскоре были арестованы и расстреляны в период с 30 сентября по 9 ноября 1937 г.

Летом 1937 г. увольнения и аресты командно-начальствующего состава распространились на все соединения ЗакВО. Кадровая проблема в ЗакВО начала обостряться; восполнять потери за счет округа, особенно в высшем и старшем командно-начальствующем составе, становилось все труднее. Например, после ареста 14 июля 1937 г. начальника артиллерии ЗакВО полковника В. Г. Мгалоблишвили, в округе не нашлось достойной

замены на эту должность. Наркомом обороны был издан приказ № 2962 от 26 июля 1937 г.: «Командир 245-го стрелкового полка полковник БОДРОВ Василий Степанович освобождается от занимаемой должности и назначается начальником артиллерии Закавказья»⁴⁰. В то же время командир 63-го артиллерийского полка полковник К. Н. Леселидзе был выдвинут на должность командира 63-й горнострелковой дивизии, так как все командиры горнострелковых полков этой дивизии были арестованы, и достойного командира общевойскового профиля не нашлось.

Проследить динамику потерь в командном составе в августе 1937 г. можно на примере 77-й Азербайджанской стрелковой дивизии, которая в мае-июле уже понесла потери в командно-начальствующем составе в результате арестов и увольнений по политическим причинам. Командир соединения комдив Г. М. Везиров, арестованный органами НКВД 29 июля 1937 г., был приговорен к расстрелу по обвинению в принадлежности к военному заговору.

Временно исполняющий должность командира дивизии полковник А. М. Аббасов и военный комиссар дивизии А. В. Дадашев 7 августа 1937 г. докладывали командующему войсками округа: «Приказом 6 августа уволены: Везиров, военкомдив Алиев, начштадив Алиев, комполка Мехтиев, Мамедов Мамед, начштаба полка Агаев, комбат Керимов, Моденов, Керимов Ибрагим»⁴¹. В тот же день ими была послана следующая телеграмма: «Приказом 7 августа уволены: Гаджиев Аслан, Рзаев Полад, Музафаров Вагап, Мусаев Межлун, ветврач Завьялов, Салманов Гейда, Макеев Василий»⁴². Телеграммой от 8 августа Дадашев сообщал Куйбышеву: «Приказом 8 августа уволены: Тагиев Байрам, Мелик Касумов, Дадашев Ага, делопроизводитель Коляда, Меликов Мелик, Мехтиев Эюб, комроты Заидов»⁴³. 10 августа Дадашев телеграфировал командующему войсками округа: «Приказом 8 августа с.г. уволены: Гадымов Гасан, Исадзе, Гаджиев Хаплар, Оруджев Мелик»⁴⁴. Телеграмма Дадашева от 11 августа свидетельствовала, что в результате арестов ситуация с кадрами обострилась: «Врид комдив Аббасов арестован. Согласно Вашего приказа назначил врид комдивом Зюванова, врид наштадива капитана Туманяна»⁴⁵.

Полковник А. М. Аббасов был обвинен в контрреволюционной деятельности и осужден Особым совещанием при НКВД 19 апреля 1938 г. к 8 годам исправительно-трудовых лагерей, позже состоялся приговор Военного трибунала войск НКВД СССР, 1 сентября 1941 г. по ст. 58-2, 58-8, 58-10 и 58-11 УК РСФСР он был приговорен к высшей мере наказания и расстрелян 10 ноября 1941 г.

Военный комиссар 77-й горнострелковой дивизии продолжал докладывать командующему об уволенных и арестованных. Телеграммой от 13 августа 1937 г. он сообщал: «Приказом уволено Киясебеков, Саниев Коби, Султанов Абдульфат, Абасов Юшир, Рустамов Тураб, Фаталиев Каспар, Талыб-Заде». В дополнение к предыдущей телеграмме в тот же день следовало дополнение: «Арестовано: Агаев Михаил, Керимов Ибрагим, коман-

дир роты Сапиев, Мехтиев Эюб, Султанов Султан, Сафиев Бакман, Ахмедов Ягуб, Фаталиев, Талыб-Заде»⁴⁶.

Командующий войсками ЗакВО Н. В. Куйбышев не мог не понимать, что потеря дивизией такого количества командиров, занимавших важные должности, была равносильна потере управления соединением. Однако телеграммы о продолжающихся арестах в 77-й горнострелковой дивизии продолжали поступать и осенью 1937 г. Например, 10 ноября 1937 г. Дадашев телеграфировал командующему войсками ЗакВО: «Арестован и.д. командира 229 сп капитан Абдулаев, военный комиссар полка батальонный комиссар Мамедов, начальник химической службы старший лейтенант Бабаев, старший политрук Сулейманов, начальник 5 отдела штадива майор Султанов, ПНШ 230 сп старший лейтенант Ибрагимов, начальник обозно-вещевой службы 230 сп капитан Мустафаев, начальник продовольственного снабжения 230 сп старший лейтенант Мамедов, комиссар кавалерийского эскадрона старший политрук Кулиев»⁴⁷.

Подобные сообщения в тот период поступали Н. В. Куйбышеву и из других соединений и военно-учебных заведений. Например, 4 октября 1937 г. командир 20-й горнострелковой дивизии А. М. Крупников докладывал об арестованных командирах, в том числе и о бывшем командире 58-го горнострелкового полка Пяткове⁴⁸. 10 ноября 1937 г. из Бакинского пехотного училища поступила телеграмма: «Полковник Родин органами НКВД уволен как враг народа. Обязанности начальника училища вступил майор Федотов»⁴⁹.

Таким образом, к осени 1937 г. командующий войсками ЗакВО оказался полностью погруженным в процесс массовых политических репрессий и обращался к наркому обороны с ходатайством об увольнении по политическим мотивам групп командиров. Например, в одной из телеграмм он просил об увольнении из РККА «как не внушающих политического доверия» группы командиров из пятнадцати человек⁵⁰. Анализ содержания списка показывает, что вскоре все указанные в этом списке были уволены, а большинство из них арестованы органами НКВД.

Содержание сентябрьских телеграмм командующего ЗакВО в адрес наркома обороны значительно отличалось от предыдущих увеличившимся количеством увольняемых командиров и обязательным ходатайством об их аресте. Так, в телеграмме наркому обороны от 28 сентября 1937 г. Куйбышев сообщал: «Показаниями арестованных разоблачены как члены контрреволюционной организации НО-4 полковник Карташев, НО-3 полковой комиссар Бернардов, врид нач. финслужбы интендант 2 ранга Кизилов. Просим разрешения демобилизовать последующим арестом НКВД»⁵¹. В шифротелеграмме, подписанной комкором Н. В. Куйбышевым и корпусным комиссаром М. Я. Апсе 29 сентября 1937 г., отмечено: «Материалами следствия НКВД изобличаются как члены военной контрреволюционной организации следующие лица: командир 58 полка полковник Пятков, преподаватель индустриального института Грузии майор Кавришвили, преподаватель Тбилисских

курсов комсостава запаса майор Микиртичан, командир роты 25 полка капитан Баджилидзе, командир роты 140 полка капитан Бежанидзе, начальник отделения снабжения отдела связи ЗакВО интенант 2 ранга Солдатов. Прошу увольнения их из рядов РККА последующим арестом»⁵².

В октябре 1937 г. поток подобных телеграмм за подписью Куйбышева в адрес НКО значительно увеличился⁵³. Командующий войсками округа с подачи органов НКВД ходатайствовал об увольнении групп командно-начальствующего состава. Например, 5 октября им была направлена К. Е. Ворошилову телеграмма следующего содержания: «Материалами НКВД изобличаются как члены контрреволюционной военной организации: начальник мобчасти Грузинского мобокруга батальонный комиссар Сапанадзе, командир авиаэскадрильи 20 школы пилотов Линде, начальник вещевого довольствия 230 сп капитан Мустафаев, командир роты 230 сп старший лейтенант Ибрагимов, инструктор вневойсковой подготовки Азербайджанского мобокруга капитан Гусейнов. Прошу уволить последующим арестом»⁵⁴. Все указанные в документе командиры и начальники были уволены, арестованы и осуждены за контрреволюционные преступления.

В попытке каким-то образом решить стремительно обостряющуюся кадровую проблему, командующий войсками ЗакВО испрашивал у московского руководства помощи: «Связи арестом бывшего начальника сан эпидем лаборатории округа Штенгеля прошу срочного назначения опытного врача бактериолога»⁵⁵; «Прошу срочно назначить командующего ВВС округа отъездом Шелухина руководство авиацией округа фактически ликвидировано — начштаба штатом не предусмотрено, нач. боевой подготовки — некомплект»⁵⁶; «Для 77 гсд первую очередь нужен комдив. Майор Зюванов слаб, другого кандидата в округе нет. Не найдется ли в русских частях азербайджанца, могущего быть назначенным комдивом, в крайнем случае можно татарина»⁵⁷. В содержании данных телеграмм усматривается обреченность функционера, вынужденного хронологически фиксировать крах организационной структуры.

Московское руководство вместо конструктивной помощи направляло в ЗакВО новые указания. Представляет интерес следующий документ: «Товарищу Ворошилову К. Е. Посылаю справку о мотивах отклонения кандидатуры Осипова А. А. на должность начальника пункта противовоздушной обороны г. Баку. Зав. отделом руководящих парторганов ЦК ВКП(б) Маленков. 1.Х.37». На документе имеется помета К. Е. Ворошилова: «Куйбышеву. Еще раз проверить т. Осипова как по работе командира, так и его политическое лицо. КВ. 23/Х 37»⁵⁸. В справке Г. М. Маленкова было отмечено: «В 1929 г. т. Осипов защищал правооппортунистические установки, настаивал на необходимости широкого и глубокого изучения платформы правых уклонистов, подверг сомнению правильность линии партии в колхозном строительстве. <...> жена т. Осипова — Ядвига Антоновна Прозорович происходит из Польши и требуется проверка — имеются ли у нее связи с заграницей»⁵⁹. Вскоре

после этого комбриг А. А. Осипов получил партийное взыскание, а в 1938 г. был выведен в распоряжение Управления по командно-начальствующему составу РККА.

Примечательно, что к ноябрю 1937 г. в округе обострилась кадровая обстановка не только с командно-начальствующим составом (высшим, старшим и средним), но и с младшим начсоставом. Комкор Куйбышев был вынужден 1 ноября 1937 г. телеграфировать наркому обороны: «В связи с большим некомплектом изъятием младшего начсостава прошу разрешения выпустить курсантов полковых школ не 29 ноября как указано в приказе 106, а начале ноября»⁶⁰. Как показали дальнейшие события, решить кадровую проблему в округе при продолжающихся репрессиях оказалось невозможно.

Представляет интерес выступление комкора Куйбышева на вечернем заседании Военного совета при НКО СССР 21 ноября 1937 г. Докладывая об итогах боевой подготовки в ЗакВО и кадровых вопросах, он неизбежно касался проблемы массовых репрессий, однако не обозначая явно их причинно-следственные связи. Свое выступление Куйбышев начал с оценки боевой подготовки войск округа: «Подытоживая результаты инспекторских смотров окружных учений, Военный совет округа оценил боевую подготовку войск ЗакВО как стоящую на неудовлетворительном уровне»⁶¹. Основная причина существующих недостатков, как считал Н. В. Куйбышев, в том, что «округ был обескровлен очень сильно». В доказательство этого он привел примеры: тремя дивизиями командуют капитаны, Азербайджанской дивизией командует майор, который «до этого времени не командовал ни полком, ни батальоном, и в течение последних шести лет являлся преподавателем военного училища». На вопрос из зала: «Куда же девались командиры?» Куйбышев ответил: «Все остальные переведены в ведомство НКВД без занятия определенных должностей»⁶².

Из выступления Куйбышева ясно, что он отчетливо представлял пагубность последствий проводимой политической «чистки» для войск ЗакВО. В частности, он доложил наркому и членам Военсовета о том, что к 76-й стрелковой дивизии ему пришлось прикрепить своего заместителя комкора В. М. Мулина, к 77-й стрелковой дивизии — начальника тыла округа комдива Г. М. Зусмановича, которые вместо своих непосредственных обязанностей фактически вынуждены были командовать «обезглавленными» соединениями. Не могли оставить равнодушными военных профессионалов сведения о некомплекте начальствующего состава в округе: 1312 человек, что составляло в среднем 25 % (в специальных частях он доходил до 50 %). Перспективы быстрого восполнения некомплекта командиров не было: резервы командиров отсутствовали, выдвижение из числа сверхсрочников также являлось проблемным, так как в округе, по словам Куйбышева, был «огромнейший некомплект сверхсрочного командного состава».

Наряду с общей удручающей картиной и отмеченными в докладе послаблениями и массовым очковитирательством в боевой подготовке, низкой дисциплиной, незнанием

русского языка национальным командным составом, комкор Куйбышев выражал ничем не обоснованный, но свойственный для того периода оптимизм: «Неоспоримы положительные результаты, которые мы имеем в результате массового выдвижения молодежи на высшие командные посты. <...> Огромное большинство из той молодежи, которая сегодня плохо справляется с работой, будет справляться с нею значительно лучше, чем враги, которые сидели на местах. Здесь нет никакого сомнения»⁶³.

В декабре 1937 г. комкор Куйбышев, продолжая испрашивать у наркома разрешение «на увольнение с последующим арестом» очередных командиров из ЗакВО⁶⁴, пытался привлечь внимание руководства к обострившейся до крайности кадровой проблеме в военной округе. Из телеграммы, направленной В.Н. Куйбышевым начальнику Управления по командному и начальствующему составу РККА Е. А. Щаденко 20 декабря 1937 г.: «...из округа вызывают в Москву все новых и новых людей зпт округ же не получил никого тчк прошу ускорить укомплектование округа начсоставом»⁶⁵.

Говоря об отозванных в Москву командирах и начальниках, В. Н. Куйбышев, вероятно, имел ввиду и убывающего туда члена Военного совета ЗакВО корпусного комиссара М. Я. Апсе, догадываясь, что тот уже не вернется из столицы.

Доклады из соединений военного округа в конце 1937 г. свидетельствовали, что аресты комначсостава в дивизиях продолжались. Например, полковник А. М. Крупников телеграфировал командующему войсками ЗакВО: «25.12. с/г органами НКВД арестован командир дивизиона арtpолка капитан Финевский»⁶⁶. 30 декабря 1937 г. А. М. Крупников телеграфировал командующему войсками ЗакВО: «Начальник боепитания полка ЦИНУС-ЛИС арестован органами военной прокуратуры»⁶⁷.

В то же время В. Н. Куйбышев получил вызов в Комиссию партийного контроля. Пытаясь отдалить не суливший ничего хорошего вызов в КПК, он 21 декабря 1937 г. направил через 10-й отдел Генерального штаба РККА шифротелеграмму следующего содержания: «Москва КПК при ЦК ВКП(б) Шкирятову. Прошу оттянуть мой приезд до девятого января чтобы совместить его с поездкой на сессию Верховного Совета. Если нельзя телеграфируйте немедленно»⁶⁸. На следующий день В. Н. Куйбышев телеграфировал К. Е. Ворошилову: «Договорились Шкирятовым быть Москве 9 января»⁶⁹.

Одной из последних своих директив №К1/10878 от 23 декабря 1937 г. командующий ЗакВО В. Н. Куйбышев требовал: «В связи с перемещением командного и начальствующего состава на новые должности, приказываю: Провести вновь переаттестование всего командного, политического, технического, административно-хозяйственного, медицинского и ветеринарного состава, руководствуясь следующими указаниями: 1. Аттестованию подлежит весь командно-начальствующий состав. 2. В содержании аттестации отразить боевую подготовку части, политическую подготовку части...»⁷⁰. Далее были указаны сроки: тех, кто подлежал рассмотрению в высшей аттестационной комиссии — не позднее

15 января 1938 г., подлежащих рассмотрению в окружных аттестационных комиссиях — не позднее 20 января, остальных — до 25 января 1938 г. Однако реализовать задуманное комкору Н. В. Куйбышеву так и не удалось.

Комкор Н. В. Куйбышев был арестован 2 февраля 1938 г. Сводкой ГУГБ НКВД, датированной 3 февраля 1938 г., до И. В. Сталина доводилось, что арестованный бывший командующий войсками ЗакВО Н. В. Куйбышев в ходе допроса следователями во главе с майором ГБ В. С. Агасом «дополнительно показал, что по приезде в Тбилиси он застал в качестве заместителя командующего войсками комкора МУЛИНА (дано задание об аресте), прибывшего в Закавказский ВО дней за 10 раньше КУЙБЫШЕВА. <...> Получив вскоре сообщение комиссара Крымского военного санатория об антисоветских настроениях жены МУЛИНА и сообщение парторганизации Куйбышевского отделения Госбанка об аресте сестры жены МУЛИНА, КУЙБЫШЕВ решил этим воспользоваться для откровенного разговора с МУЛИНЫМ и начал с его связи с РЕЙНГОЛЬДОМ и УБОРЕВИЧЕМ. МУЛИН растерялся, и КУЙБЫШЕВ решил тогда прямо заявить ему, что он уверен, что МУЛИН состоит в заговоре. МУЛИН вначале слабо отрицал, но после того, как КУЙБЫШЕВ заявил, что и он заговорщик, МУЛИН подтвердил свое участие в заговоре. <...> КУЙБЫШЕВ и МУЛИН договорились, что основная задача на ближайший период должна заключаться в осторожном восстановлении оставшихся сил заговора и вербовке новых кадров. <...> КУЙБЫШЕВ в Закавказском ВО связался также с заговорщиком дивизионным комиссаром РАЗДОЛЬСКИМ — начальником ПУОКРа (не арестован). Об участии в заговоре РАЗДОЛЬСКОГО КУЙБЫШЕВ узнал от ГАМАРНИКА»⁷¹.

13 февраля 1938 г. народный комиссар внутренних дел СССР, Генеральный комиссар государственной безопасности Н. И. Ежов направил И. В. Сталину сводку важнейших показаний арестованных по ГУГБ НКВД Союза ССР, в которой сообщалось, что Н. В. Куйбышев дополнительно показал о своих связях с М. Н. Тухачевским: «...в 1933 году ТУХАЧЕВСКИЙ, инструктируя его по антисоветской работе, указал, что военно-фашистская организация в целях поражения Советского Союза в будущей войне связана с иностранными генеральными штабами и что, в частности, он, ТУХАЧЕВСКИЙ, связан с германским генералом БЛОМБЕРГОМ. По показаниям КУЙБЫШЕВА, БЛОМБЕРГУ полностью известна деятельность военного заговора. Исходя из необходимости постоянной шпионской связи с Германией, ТУХАЧЕВСКИЙ дал КУЙБЫШЕВУ задание установить шпионскую связь с резидентом германской разведки начальником Всесоюзного объединения точной индустрии НЕМОВЫМ, что КУЙБЫШЕВ и исполнил. <...> Кроме того, КУЙБЫШЕВ показал, что в 1935 году он был завербован в агенты польской разведки польразведчиком ЛОГАНОВСКИМ, заместителем Наркома внешней торговли»⁷². Таким образом, в ходе февральских допросов Н. В. Куйбышев был сломлен морально и признал шпионскую деятельность в пользу Германии и Польши.

1 августа 1938 г. судом В.Н. Куйбышев был «признан виновным в том, что являясь с 1933 года участником военно-фашистского заговора в РККА, по заданию Тухачевского руководил диверсионно-вредительской работой на заводах оборонной промышленности, а также в том, что являлся агентом германской, польской, литовской и японской разведок, которым передавал ряд сведений шпионского характера»⁷³. Военная коллегия Верховного суда СССР признала Н. В. Куйбышева виновным в участии в военно-фашистском заговоре и других преступлениях, предусмотренных статьями 58-1 п. «б», 58-8, 58-9, 58-11 УК РСФСР, вынесла расстрельный приговор, который был приведен в исполнение в тот же день. Обвинение было основано на показаниях Куйбышева, данных им на предварительном следствии, которые он подтвердил в суде. Вынося приговор, члены судебного заседания умудрились не заметить явные несоответствия в материалах дела. Так, в заявлении от 1 февраля 1934 г. Куйбышев писал, что в военно-заговорщическую организацию был вовлечен Тухачевским. Однако установлено, что Тухачевский показаний на Куйбышева не давал. В других показаниях Куйбышева сказано, что он, якобы, в антисоветскую организацию был завербован видным деятелем партии Я. Б. Гамарником.

Позже было установлено, что сведения о «многостаночном» шпионаже являются вымыслом. Выяснилось, что Особый архив МВД СССР и отдел оперативного учета КГБ при Совете министров СССР «сведениями о принадлежности Куйбышева к разведорганам перечисленных государств не располагают»⁷⁴.

Сегодня совершенно очевидно, что показания Куйбышева не соответствовали действительности, так как он назвал участниками вредительской работы в оборонной промышленности таких выдающихся работников авиапромышленности, как С. П. Королева, Е. Н. Преображенского, И. Э. Марьямова, Е. И. Мирошников, Н. М. Харламова, А. Н. Туполева и И. Г. Неймана, которые к уголовной ответственности привлекались необоснованно и полностью реабилитированы. Таким образом, никаких объективных доказательств виновности В. Н. Куйбышева в деле не имеется. Реабилитирован комкор Н. В. Куйбышев посмертно 19 мая 1956 г.

Отстранение от должности командующего ЗакВО повлекло за собой замену всего управления военным округом. Наряду с арестом комкора Н. В. Куйбышева, был снят с должности и арестован 3 ноября 1937 г. начальник политического управления ЗакВО корпусной комиссар А. П. Ярцев; уволен и 12 февраля 1938 г. арестован следующий начальник политического управления дивизионный комиссар К. Г. Раздольский; уволен и арестован член Военного совета округа корпусной комиссар М. Я. Апсе; та же участь постигла и заместителя командующего войсками ЗакВО комкора В. М. Мулина.

Назначение Маршала Советского Союза Егорова Александра Ильича командующим войсками ЗакВО было понижением в должности, означало его опальное состояние и возможный скорый арест. По отдельным источникам⁷⁵, А. И. Егоров командовал войсками

округа весьма непродолжительный период — с 4 по 21 февраля 1938 г. В «Книге учета начсостава штаба и окружных отделов ЗакВО» имеется запись, что А. И. Егоров от должности «освобожден по болезни пр. № 0177 от 25.02.38»⁷⁶.

В мае 1937 г., фактически с началом массовых политических репрессий, А. И. Егоров был назначен первым заместителем наркома обороны вместо М. Н. Тухачевского. Как показали дальнейшие события, это было временное назначение. Органы НКВД вскоре получили достаточно компрометирующего материала о А.И. Егорове от арестованных командиров.

25 января 1938 г. Политбюро ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли по итогам обсуждения следующее постановление, зафиксированное в протоколе № 57:

«СНК СССР и ЦК ВКП(б) устанавливают, что:

а) первый заместитель народного комиссара обороны СССР т. Егоров А. И. в период его работы на посту начальника штаба РККА работал крайне неудовлетворительно, работу Генерального штаба развалил, передоверив ее матерым шпионам польской, немецкой и итальянской разведок Левичеву и Меженинову.

СНК СССР и ЦК ВКП(б) считают подозрительным, что т. Егоров не только не пытался контролировать Левичева и Меженинова, но безгранично им доверял, состоял с ними в дружеских отношениях.

б) т. Егоров, как это видно из показаний арестованных шпионов Белова, Гринько, Орлова и других, очевидно, кое-что знал о существующем в армии заговоре, который возглавлялся шпионами Тухачевским, Гамарником и другими мерзавцами из бывших троцкистов, правых, эсеров, белых офицеров и т. п.

Судя по этим материалам, т. Егоров пытался установить контакт с заговорщиками через Тухачевского, о чем говорит в своих показаниях шпион из эсеров Белов;

в) т. Егоров, безосновательно не довольствуясь своим положением в Красной Армии и кое-что зная о существующих в армии заговорщических группах, решил организовать и свою собственную антипартийного характера группу, в которую он вовлек т. Дыбенко и пытался вовлечь в нее т. Буденного.

На основании всего указанного СНК СССР и ЦК ВКП(б) постановляют:

1. Признать невозможным дальнейшее оставление т. Егорова А.И. на руководящей работе в Центральном аппарате Наркомата обороны ввиду того что он не может пользоваться полным политическим доверием ЦК ВКП(б) и СНК СССР.

2. Освободить т. Егорова от работы заместителя Наркома обороны.

3. Считать возможным в качестве последнего испытания представление т. Егорову работы командующего одного из не основных военных округов.

Предложить т. Ворошилову представить в ЦК ВКП(б) и СНК СССР свои предложения о работе т. Егорова.

4. Вопрос о возможности оставления т. Егорова в составе кандидатов в члены ЦК ВКП(б) поставить на обсуждение очередного Пленума ЦК ВКП(б).

5. Настоящее постановление разослать всем членам ЦК ВКП(б) и командующим военными округами»⁷⁷.

Аргументация для принятия решения на столь высоком уровне была явно слаба: показания арестованных о том, что А. И. Егоров «кое-что знал», «пытался установить контакт», ссылка на заклеянных «матерыми шпионами» бывших заместителей начальника Генерального штаба РККА комкоров В. Н. Левичева и С. А. Меженинова, которые ни подтвердить, ни опровергнуть уже ничего не могли, поскольку первый был приговорен к расстрелу 26 ноября 1937 г., второй расстрелян еще раньше — 28 сентября 1937 г. Накапливающийся против А. И. Егорова политический компромат превысил некую критическую массу, что привело к принятию данного постановления. Этому способствовали и показания арестованных, которые были получены еще в мае 1937 г., свою роль сыграли и обличающие Егорова письма, направленные военно-политическому руководству комбригами Я. М. Жигуром и Г. В. Жуковым⁷⁸.

Должность командующего войсками ЗакВО оказалась для маршала действительно последней. А. И. Егоров убыл в Тбилиси, в штаб округа, а на него в Москве продолжали поступать все новые и новые показания, в частности, от арестованного комкора Н. В. Куйбышева, его предшественника на посту командующего войсками ЗакВО.

В этот напряженный период времени, когда, казалось бы, на командование округом его совсем не оставалось, маршал А. И. Егоров руководил войсками и участвовал в решении важных кадровых вопросов. Представляет интерес директива командирам и комиссарам дивизий (бригад), командующему ВВС ЗакВО от 20 февраля 1938 г. № К1/09605, в которой указано: «При рассмотрении материалов, представленных Вам на увольнение из рядов РККА командного состава, в большинстве своем показывают, что эти материалы и компрометирующие данные командирами и комиссарами частей тщательно не проверялись, а поэтому значительная часть представленных мотивов к увольнению является недостаточно обоснованными». Далее указано: «В основу работы при решении вопроса о представлении на увольнение из РККА и рассмотрении материалов необходимо положить решение январского Пленума ЦК ВКП(б) „Об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии, о формально-бюрократическом отношении к апелляциям исключенных из ВКП(б) и о мерах по устранению этих недостатков“»⁷⁹. Данной директивой маршал А. И. Егоров требовал «вновь пересмотреть и детально проверить основательность компрометирующих данных на каждого командира (начальника), а в случае необходимости послать представителей на место для расследования и обязательно вызвать пред-

ставляемого на увольнение — для личной беседы с командованием дивизии». Только после этого командующий ЗакВО разрешал представлять ему «исчерпывающий материал в виде развернутой служебной, партийно-политической характеристики с приложением документов, подтверждающих необходимость увольнения из рядов РККА»⁸⁰. Данную работу командующий войсками ЗакВО приказывал закончить к 20 марта 1938 г.

Естественно, стремление изменить огульный подход к увольнению командиров из РККА не являлось личной инициативой командующего войсками ЗакВО. Основанием для этого послужила телеграмма армейского комиссара 2-го ранга Е. А. Щаденко за № УН6/19/97485 от 20 января 1938 г. Начальник Управления командного и начальствующего состава РККА, которое оказалось буквально заваленным бумагами с требованиями из войск об увольнении командиров по политическим причинам, предлагал: «Пересмотреть все представления на увольнения командного состава всесторонне проверив основательность всех данных о каждом командире (начальнике)...»⁸¹. Тем не менее, маршал А. И. Егоров как командующий войсками и председатель Военсовета ЗакВО был озабочен обострившейся кадровой проблемой в округе и уделял время для того, чтобы попытаться решить ее.

Вместе с тем, участвуя в работе Военного совета округа, А. И. Егоров наряду с членами Военсовета ЗакВО П. Н. Фигиным и Л. П. Берией принимал решения об увольнении и аресте командиров, на которых имелся компрометирующий материал в органах НКВД. Так, на заседании 11 февраля 1938 г. перед членами Военсовета выступил с информационным сообщением начальник НКВД ГрССР С. А. Гоглидзе. В протоколе № 35 заседания зафиксировано: «Слушали: на лиц КиНС частей и учреждений округа, на которых имеется в органах НКВД материал о их политической неблагонадежности в числе 47 человек. Постановили просить НКЮ Маршала Советского Союза тов. Ворошилова об увольнении из РККА с последующим арестом. Егоров, Фигин, Берия»⁸². Это было последнее заседание Военсовета ЗакВО с участием А. И. Егорова.

Во второй половине февраля А. И. Егоров прошел через очные ставки в НКВД СССР с ранее арестованными И. П. Беловым, Г. Ф. Гринько, И. К. Грязновым, Н. Д. Кашириным, А. И. Седякиным. Известно, что «Егоров на очных ставках с арестованными Гринько, Седякиным, Беловым и Грязновым виновными себя не признал и категорически отрицал проведение какой-либо преступной работы»⁸³.

О том, насколько тяжело переживал опальный маршал обвинения в свой адрес, свидетельствуют его письма к К. Е. Ворошилову. В письме наркому обороны от 28 февраля 1938 г., написанному через два дня после очной ставки с Н. Д. Кашириным, маршал А. И. Егоров воплотил последнюю надежду найти понимание, поддержку и помощь со стороны влиятельного члена Политбюро: «Дорогой Климент Ефремович! Я переживаю исключительно тяжелую моральную депрессию. Я знаю и сознаю, что показания врагов народа, несмотря на их вопиющую гнусность и клеветничество, надо тщательно проверить. Но я об одном не могу

не сказать, а именно: конечно, партия должна получить исчерпывающие данные для окончательного решения моей судьбы. Решение будет являться следствием анализа показаний врагов против меня и анализом моей личности, в совокупности всех моих личных свойств.

<...> Я хочу, мне крайне необходимо моральное успокоение, какое всегда получаешь от беседы с тов. Сталиным.

Еще раз заявляю Вам как моему непосредственному начальнику, соратнику по боевым дням гражданской войны и старому другу (как Вы выразились в своем приветствии по случаю моего пятидесятилетия), что моя политическая честность непоколебима как к партии, так к Родине и народу.

Уважающий Вас Маршал Советского Союза А. И. Егоров»⁸⁴.

Однако судьба командующего войсками ЗакВО была уже решена. В постановлении Пленума ЦК ВКП(б) «О тов. Егорове» 28 февраля – 2 марта 1938 г. было отмечено: «т. Егоров оказался политически более запачканным, чем можно было думать до очной ставки». Далее следовала информация, которая не оставляла А. И. Егорову шансов остаться ни кандидатом в члены ЦК партии, ни командующим войсками округа: «...принимая во внимание, что жена его урожденная Пешковская⁸⁵, с которой т. Егоров жил душа в душу, оказалась давнишней польской шпионкой, как это явствует из ее собственного показания, — ЦК ВКП(б) признает необходимым исключить т. Егорова из состава кандидатов в члены ЦК ВКП(б)»⁸⁶.

Узнав об этом решении, А. И. Егоров 3 марта 1938 г. направил с грифом «совершенно секретно» очередное письмо-исповедь наркомку: «Дорогой Климент Ефремович! Только что получил решение об исключении из состава кандидатов в члены ЦК ВКП(б). Это тяжелейшее для меня политическое решение партии, признаю абсолютно и единственно правильным, ибо этого требует непоколебимость авторитета ЦК ВКП(б), как руководящего органа нашей великой партии. Это закон и непреложная основа. Я все это полностью осознаю своим разумом и пониманием партийного существа решения. <...>

Пролитая мною кровь в рядах РККА в борьбе с врагами на полях сражений навеки спаяла меня с Октябрьской революцией и нашей великой партией. Неужели теперь, в дни побед и торжества социализма, я скатился в пропасть предательства и измены своей Родине и своему народу, измены тому делу, которому с момента признания мною Советской власти я отдал всего себя, мои силы, разум, совесть и жизнь. Нет, этого никогда не было и не будет...»⁸⁷.

Ответ военно-политического руководства был лаконичным и жестким: 27 марта 1938 г. А. И. Егоров был арестован. Ордер на арест маршала и производство у него обыска датирован апрелем 1938 г. без указания конкретного числа. Санкция же на арест Егорова была дана заместителем Прокурора СССР Г. К. Рогинским 10 февраля 1939 г. почти через год после ареста.

В сводке важнейших показаний арестованных по ГУГБ НКВД СССР за 27 марта 1938 г. отмечалось: на допросе А. И. Егоров сознался в том, что он, «ЕГОРОВ, ДЫБЕНКО и БУДЕННЫЙ возглавляли руководство антисоветской группы правых в Красной Армии, представлявшей собой организацию, имевшую своих участников в военных округах. Эта антисоветская организация была на особо законспирированном положении вне антисоветского военного заговора, возглавлявшегося ТУХАЧЕВСКИМ». В то же время следователи НКВД получили показания от арестованного М. К. Левандовского в том, что он «с 1925 года установил непосредственную связь с ЕГОРОВЫМ Александром Ильичем, командовавшим в то время Белорусским военным округом, и с этого времени систематически при встречах вел с ним антисоветские беседы, знал о группировании ЕГОРОВЫМ ряда лиц из антисоветского элемента среди высшего комсостава для борьбы за захват руководства РККА. С 1933 года ЛЕВАНДОВСКИЙ по возвращении из Германии был привлечен ЕГОРОВЫМ в антисоветскую подпольную группу, ставившую своей задачей подготовку свержения Советской власти. Из состава этой группы ЕГОРОВ назвал ЛЕВАНДОВСКОМУ ДЫБЕНКО — бывшего командующего войсками ПриВО, КАШИРИНА — бывшего командующего войсками СКВО (оба арестованы), БУДЕННОГО, ГОРОДОВИКОВА и ТЮЛЕНЕВА. От ЕГОРОВА ЛЕВАНДОВСКИЙ знал, что эта группа через него, ЕГОРОВА, связана с правыми и персонально с БУХАРИНЫМ, РЫКОВЫМ, ЕНУКИДЗЕ. ЕГОРОВ был связан также и с ЭЛИАВОЙ»⁸⁸.

В процессе предварительного следствия А. И. Егоров показал, что «в заговоре участвуют поголовно все командующие округов, кроме Блюхера...», а в собственноручных показаниях от 31 марта 1938 г. перечислил 60 известных ему участников заговора⁸⁹.

На допросах и в собственноручных показаниях А. И. Егоров виновным себя полностью признал. Полученные от него сведения были использованы следователями НКВД для получения доказательств о существовании заговора, который после ареста М. Н. Тухачевского якобы возглавил А. И. Егоров.

В судебном заседании Военной коллегии Верховного суда 22 февраля 1939 г. А. И. Егоров был признан виновным по ст. 58-1 п. «б», 58-8 и 58-11 УК РСФСР. В приговоре указано, что «он с двурушнической целью вступил в компартию, в 1919 году установил преступные связи с руководителями антисоветской организации Каменевым С.С. и Лебедевым П.П., а также с Троцким, по заданию которого пытался сорвать выполнение плана Сталина по разгрому Деникина». Далее в приговоре следовало, что А. И. Егоров «в 1920 году подготавливал террористический акт в отношении Сталина. В 1928 году, установив антисоветские связи с Рыковым и Бубновым и по их заданию создал в РККА антисоветскую террористическую организацию правых». В последующие годы, как указано в приговоре, А. И. Егоров установил контакт по антисоветской работе с М. Н. Тухачевским и Гамарником. Относительно обвинений в шпионаже указано: «В 1931 году, находясь на учебе в Германии, установил шпионские

связи с германским генеральным штабом, а в 1934 году, по заданию Рыкова, стал шпионом польской разведки»⁹⁰. Приговор был приведен в исполнение 23 февраля 1939 г.

Надуманность «признательных показаний» А. И. Егорова очевидна: его заслуги перед советской властью в годы гражданской войны бесспорны; проверкой дела А. С. Бубнова, с которым Егоров поддерживал якобы антисоветские связи, установлено, что А. С. Бубнов никаких показаний в отношении А. И. Егорова не давал⁹¹. Показания арестованных П. Е. Дыбенко, М. К. Левандовского, В. С. Погребного, И. Ф. Федько довольно противоречивы. Расстрелянный маршал реабилитирован 14 марта 1956 г.

С февраля 1938 г. следующим командующим войсками округа и членом Военного совета ЗакВО стал комкор Иван Владимирович Тюленев, до этого служивший в столице заместителем инспектора кавалерии РККА. Запись в «Книге учета начсостава штаба и окружных отделов ЗакВО» свидетельствует: И. В. Тюленев назначен на должность тем же приказом, которым А. И. Егоров «освобожден по болезни», то есть пр. № 0177 от 25.02.38⁹². На эту высокую должность И. В. Тюленев был назначен не случайно, поскольку принадлежал к плеяде «конармейцев» — выходцев из рядов Первой конной армии⁹³, которые пользовались покровительством наркома обороны. Тем не менее, в распоряжении компетентных органов имелись показания на И. В. Тюленева, якобы изобличающие его как участника военно-фашистского заговора⁹⁴.

Своими действиями новый командующий всячески поддерживал сталинскую внутреннюю политику. На заседаниях Военного совета ЗакВО весной 1938 г., на которых также присутствовал как член Военсовета округа секретарь ЦК КП(б) Грузии Л. П. Берия, рассматривались и кадровые вопросы. Например, в протоколе №2 заседания Военсовета от 16 апреля 1938 г. записано: «Слушали: поступивший материал от НКВД Груз. ССР на следующих командиров и политработников ЗакВО...»⁹⁵. Далее следовал список, в котором фигурировали 38 фамилий с краткой характеристикой на каждого. Например: «Алексеев Николай Давыдович — и. д. военком школы санинструкторов ЗакВО, политрук, 1898 г.р., член ВКП(б) с 1927 г., служил в штабе меньшевистской армии в качестве монтера, в РККА с 1923 г.»; «Багдасаров Арменак Маркович — начальник отдела ПВО ЗакВО, полковник, 1894 г.р., уроженец с. Тагасир АОНК, из семьи крупного зажиточного кулака, бывший офицер царской армии, член ВКП(б) с 1920 г., в Красной Армии с 1917 г.». Военсовет ЗакВО постановил: «Ввиду наличия на перечисленных лиц компрометирующих материалов, уличающих их как врагов народа — поставить вопрос перед Наркомом Обороны Маршалом Советского Союза тов. Ворошиловым о демобилизации их из РККА»⁹⁶.

Проявляя большевистское упорство в достижении поставленной цели, И. В. Тюленев на следующий день обратился к Е. А. Щаденко с просьбой ускорить увольнение этой группы командиров и политработников, «ибо материал компрометирующий их настолько серьезный, что они подлежат аресту»⁹⁷. Командующий войсками ЗакВО отчет-

ливо осознавал, что подобные меры ведут к обострению кадровой проблемы в округе: ходатайствуя об увольнении ряда командиров, он тут же просил начальника Управления по командному и начальствующему составу РККА «ускорить откомандирование к новому месту службы назначенных командиров 76 и 77 сд и начальника училища»⁹⁸, сетовал, что у него нет заместителя. Здесь же И. В. Тюленев благодарил Е. А. Щаденко за то, что сняли с должности начальника штаба ЗакВО комдива В. Н. Львова: «Хорошо Вы сделали, что сняли Львова, человек он подозрительный». Далее следовала тирада, характеризующая отношение Тюленева к военному и политическому руководству и к своим заместителям: «Дорогой Е. А., работы много, но работа идет неплохо <...> Помогают Берия и Багиров <...> Член Военного Совета Фигин <...> ничего не помогает, это пустое место, такое же положение с начпуокром»⁹⁹.

Вполне вероятно, что И. В. Тюленев таким образом пытался дистанцироваться от своих ближайших помощников, так как те работали с предыдущим командующим, оказавшимся «врагом народа», и не сумели его разоблачить, то есть вызывали политическое недоверие.

Все это привело к очередной смене в руководящем составе окружного звена. Отстраненный от должности начальника штаба ЗакВО комдив В. Н. Львов был зачислен в распоряжение Управления по командному и начальствующему составу РККА приказом НКО № 0281 от 7 апреля 1938 г., но вскоре, как пишет его сын Ю. В. Львов, оказался в застенках НКВД, затем был освобожден¹⁰⁰.

Бригадный комиссар П. Н. Фигин на должности члена Военсовета ЗакВО находился менее полугода: с 30 декабря 1937 г.¹⁰¹ по 12 июня 1938 г., затем был выведен в распоряжение УКНС РККА, а 20 декабря 1938 г. приказом НКО № 02789 уволен по ст. 43 п. «а». На эту должность 14 июня 1938 г. был назначен недавно получивший звание бригадного комиссара Я. А. Доронин, которому 9 марта 1939 г. было присвоено звание «дивизионный комиссар», а в июне 1940 г. — звание «корпусной комиссар».

В тот же период произошли изменения в службе и в судьбе помощника командующего по материально-техническому обеспечению комдива Г. М. Зусмановича. В Книге учета начсостава штаба и отделов ЗакВО, ведущейся в 1937–1938 гг., против его фамилии помечено: «Имеется материал»¹⁰².

Судя по документам служебной переписки, командующий войсками ЗакВО И. В. Тюленев в то время являлся активным проводником сталинской политики, официально призывал к продолжению репрессий в армейской среде. Из речи И. В. Тюленева к 1 мая: «Капиталисты готовят нападение на Советский Союз, засылают к нам шпионов, диверсантов и убийц, троцкистско-бухаринских агентов — наемников фашизма. В ответ на это мы должны усилить нашу революционную бдительность! Покончить с политической беспечностью в нашей среде!»¹⁰³

7 октября 1938 г. И. В. Тюленев был утвержден членом Военного совета при народном комиссаре обороны СССР¹⁰⁴. В сентябре 1939 г. в должности командующего 12-й армии он участвовал в походе на Западную Украину.

Таким образом, в период массовых политических репрессий 1937–1938 гг. в ЗакВО сменилось четверо командующих (М. К. Левандовский, Н. В. Куйбышев, А. И. Егоров, И. В. Тюленев), трое из них были обвинены в политических преступлениях и расстреляны. Характерной особенностью для процесса политических репрессий в ЗакВО является смена, наряду с командующим, практически всего окружного руководства.

Репрессии 1937–1938 гг. в отношении командования ЗакВО, ротация высшего командного состава не могла положительно сказаться на вопросах боевой готовности войск округа и благоприятствовать их жизни и деятельности. В ходе смены командующих войсками ЗакВО и их заместителей, членов Военного совета сложилась благоприятная обстановка для проведения органами НКВД репрессивных мероприятий в отношении командно-начальствующего состава ЗакВО.

Деятельность командующих войсками и Военного совета ЗакВО в 1937–1938 гг. была направлена в первую очередь на решение внутривойсковых задач и способствовала расширению политических репрессий в среде командно-начальствующего состава. В результате проведенного исследования установлено, что в 1937–1938 гг. в ЗабВО по политическим мотивам были уволены 1230 командиров и начальников (более 22 % от его списочного состава по состоянию на 1 января 1937 г.)¹⁰⁵, что сопоставимо с потерей командного состава стрелкового корпуса трехдивизионного состава. В период массовых политических репрессий командующие войсками ЗакВО оказались не способными выступить на защиту прав подчиненных, не могли препятствовать процессу расширения политической «чистки» командно-начальствующего состава, что оказывало отрицательное влияние на систему боевой готовности военного округа, решение задач мобилизационного развертывания, на деятельность органов военного управления по организации повседневной деятельности и боевой учебы войск.

¹ Российский государственный военный архив (далее — РГВА) Ф. 25873. Оп. 1. Д. 120. Л. 2–4.

² Там же. Оп. 1. Д. 120. Л. 7–8.

³ Там же. Оп. 3. Д. 63. Л. 57.

⁴ Архив Президента российской Федерации (далее — АП РФ) Оп. 24. Д. 412. Л. 32.

⁵ РГВА. Ф. 9. Оп. 39. Д. 37. Л. 41.

⁶ Авель Сафронович Енукидзе — член и секретарь Президиума ЦИК СССР в 1923–1935 гг. Перед арестом — директор Харьковской областотранспорта. Арестован 11 февраля 1937 г., приговорен к расстрелу 29 октября 1937 г.

⁷ РГВА. Ф. 25873. Оп. 3. Д. 68. Л. 5.

⁸ Там же. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 987. Л. 31–32.

⁹ Там же. Ф. 25873. Оп. 3. Д. 70. Л. 135.

¹⁰ Там же. Л. 136.

¹¹ Там же. Л. 53, 55, 57, 92, 96, 108, 116.

¹² Там же. Д. 66. Л. 123.

¹³ Там же. Л. 151.

¹⁴ Там же. Д. 70. Л. 88.

¹⁵ Там же. Д. 66. Л. 124.

¹⁶ Там же. Д. 70. Л. 280.

¹⁷ Там же. Л. 281.

¹⁸ Там же. Л. 140.

¹⁹ Там же. Д. 66. Л. 127.

²⁰ Там же. Л. 152.

²¹ Там же. Л. 197.

²² Там же. Д. 987. Л. 25.

²³ Там же. Д. 68. Л. 160.

²⁴ Там же. Д. 987. Л. 77–80.

²⁵ Комкор Соколов Владимир Николаевич с апреля 1937 г. — руководитель группы военного контроля Комиссии советского контроля при СНК СССР, главный инспектор Комитета обороны СНК СССР, арестован 14 ноября 1938 г., расстрелян 15 апреля 1939 г.

²⁶ Комкор В. М. Мулин назначен на должность приказом НКО № 2098 от 7 мая 1937 г.

²⁷ Комдив Г. М. Зусманович назначен на должность приказом НКО № 2386 от 4 июня 1937 г.

²⁸ Комдив Н. В. Львов назначен на должность приказом НКО № 2386 от 4 июня 1937 г.

²⁹ РГВА. Ф. 25873. Оп. 3. Д. 68. Л. 135.

³⁰ Там же. Д. 66. Л. 224.

³¹ Там же. Д. 70. Л. 122.

³² Там же. Д. 69. Л. 71.

³³ Там же. Д. 68. Л. 205.

³⁴ Там же. Д. 66. Л. 242.

³⁵ Там же. Л. 329.

³⁶ Там же. Л. 293.

³⁷ Там же. Л. 276.

³⁸ Там же. Л. 302.

³⁹ Там же. Л. 348.

⁴⁰ Там же. Оп. 4. Д. 130. Л. 694.

⁴¹ Там же. Оп. 3. Д. 66. Л. 372.

⁴² Там же. Л. 379.

⁴³ Там же. Л. 380.

⁴⁴ Там же. Л. 389.

⁴⁵ Там же. Л. 393.

⁴⁶ Там же. Л. 398, 400.

⁴⁷ Там же. Л. 578.

- ⁴⁸ Там же. Л. 524.
- ⁴⁹ Там же. Л. 577.
- ⁵⁰ Там же. Д. 70. Л. 269.
- ⁵¹ Там же. Д. 66. Л. 358.
- ⁵² Там же. Д. 68. Л. 362.
- ⁵³ Там же. Л. 367, 393, 395, 407.
- ⁵⁴ Там же. Л. 372.
- ⁵⁵ Там же. Л. 392.
- ⁵⁶ Там же. Л. 356.
- ⁵⁷ Там же. Л. 414.
- ⁵⁸ Там же. Д. 69. Л. 15.
- ⁵⁹ Там же. Л. 16.
- ⁶⁰ Там же. Д. 68. Л. 412.
- ⁶¹ Там же. Ф. 4. Оп. 18. Д. 54. Л. 92.
- ⁶² Там же. Л. 93.
- ⁶³ Там же. Л. 94–95.
- ⁶⁴ Там же. Ф. 25873. Оп. 3. Д. 68. Л. 446, 461.
- ⁶⁵ Там же. Л. 464.
- ⁶⁶ Там же. Д. 59. Л. 630.
- ⁶⁷ Там же. Л. 635.
- ⁶⁸ Там же. Д. 68. Л. 467.
- ⁶⁹ Там же. Л. 475.
- ⁷⁰ Там же. Д. 69. Л. 41.
- ⁷¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 404. Л. 92.
- ⁷² Там же. Л. 9–11.
- ⁷³ Архив Военной коллегии Верховного суда Российской Федерации (далее — АВКВС РФ). Оп. 55. Д. 6802. Л. 1.
- ⁷⁴ Там же. Л. 2.
- ⁷⁵ РГВА. Ф. 25873. Оп. 1. Л. 1–9.
- ⁷⁶ Там же. Д. 2446. Л. 2.
- ⁷⁷ Лубянка. Сталин и Главное управление безопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938 / Под ред. А. Н. Яковлева. М., 2004. С. 465–466.
- ⁷⁸ Черушев Н. С. 1937 год: Элита Красной Армии на голгофе. М., 2003. С. 97–106.
- ⁷⁹ РГВА. Ф. 25873. Оп. 3. Д. 74. Л. 1–1 об.
- ⁸⁰ Там же. Л. 2.
- ⁸¹ Там же. Л. 3.
- ⁸² Там же. Д. 128. Л. 7.
- ⁸³ АВКВС РФ. Оп. 55. Д. 3142. Л. 2.
- ⁸⁴ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 56. Л. 120–122.
- ⁸⁵ Правильно — Цешковская. Галина Антоновна Цешковская, 1898 г. р., вторая жена А. И. Егорова. 8 февраля 1938 г. обратилась в НКВД с заявлением, изобличающим политические преступления своего мужа. Арестована по обвинению в политических преступлениях, расстреляна 28 августа 1938 г.
- ⁸⁶ Лубянка. Сталин и Главное управление безопасности НКВД. Архив Сталина... С. 490.

- ⁸⁷ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 56. Л. 187–190.
- ⁸⁸ АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 406. Л. 134–163.
- ⁸⁹ *Сувениров О. Ф.* Трагедия РККА 1937–1938. М., 1998. С. 168.
- ⁹⁰ АВКВС РФ. Оп. 55. Д. 3142. Л. 2–3.
- ⁹¹ Там же. Л. 3.
- ⁹² РГВА. Ф. 25873. Оп. 1. Д. 2446. Л. 2.
- ⁹³ *Лазарев С. Е.* Советская военная элита 1930-х годов: «Красные полководцы, какими они были. Проблемы взаимоотношений. Трагедия «чисток». М., 2016. С. 80–81.
- ⁹⁴ *Сувениров О. Ф.* Трагедия РККА... С. 328.
- ⁹⁵ РГВА. Ф. 25873. Оп. 3. Д. 75. Л. 3.
- ⁹⁶ Там же. Л. 7.
- ⁹⁷ Там же. Л. 8.
- ⁹⁸ Там же.
- ⁹⁹ Там же. Л. 8 об.
- ¹⁰⁰ *Львов Ю.* Командарм Львов // Российский избиратель. М., 2000. 24 февраля. — Ю. В. Львов ошибочно полагает, что его отец был арестован в Киевском военном округе.
- ¹⁰¹ РГВА. Ф. 25873. Оп. 1. Д. 2446. Л. 2. (Из послужной карты П. Н. Фигина: назначен на должность ЧВС ЗакВО приказом НКО №01254 от 30 декабря 1937 г., выведен в распоряжение УКНС 19 июля 1938 г., уволен в запас 20 декабря 1938 г. Мобилизован 16 августа 1941 г.).
- ¹⁰² РГВА. Ф. 25873. Оп. 1. Д. 2446. Л. 2 об.–3.
- ¹⁰³ Там же. Оп. 3. Д. 128. Л. 54.
- ¹⁰⁴ Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. 1938–1940 гг. М., 2006. С. 16.
- ¹⁰⁵ РГВА. Ф. 25873. Оп. 3. Д. 60. Л. 25 (Сведения о личном составе Закавказского военного округа по состоянию на 1 января 1937 г.).

УДК 94(47).084.6

DOI 10.21638/11701/spbu24.2016.210

Мильбах В. С., Ларькин В. В. Командующие войсками Закавказского военного округа в 1937–1938 гг. и их роль в процессе массовых политических репрессий командно-начальствующего состава // Новейшая история России. 2016. № 2 (16). С. 189–216.

АННОТАЦИЯ: Эта статья — об одном из тяжелых периодов предвоенного строительства Красной Армии, который был связан с массовыми политическими репрессиями. Авторами представлен материал о деятельности командования Закавказским военным округом в 1937–1938 гг., который позволяет более рельефно ознакомиться с судьбами выдающихся военачальников того времени — командарма 2-го ранга М. К. Левандовского, комкора Н. В. Куйбышева, Маршала Советского Союза А. И. Егорова; глубже понять происходящие в этот период события в стране и в армии. На примере одного из военных округов раскрыт механизм смены командования (командующего войсками, его заместителей и членов Военного совета), по сути — ликвидации системы управления войсками на важном стратегическом направлении накануне Второй мировой войны. Содержание статьи базируется на документальной основе. Прежде всего, это приказы и директивы наркомом обороны и Политуправления РККА, служебная переписка командования Закавказского военного округа с наркомом обороны и кадровыми органами, окружные приказы, директивы и статистические отчеты, переписка командующего войсками военного округа с командирами

соединений и с особым отделом НКВД, сводки Главного управления госбезопасности, направляемые И. В. Сталину. Ряд документов архивного хранения публикуется впервые.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: массовые политические репрессии, командно-начальствующий состав, стрелковая дивизия, Закавказский военный округ, Военный совет, арест, приговор

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ: *Мильбах В. С.* — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Михайловская военная артиллерийская академия (Санкт-Петербург, Россия); v.milbach@yandex.ru | *Ларкин В. В.* — адъютант, Михайловская военная артиллерийская академия (Санкт-Петербург, Россия); valentin_larkin@mail.ru

FOR CITATION:

Milbakh V. S., Larkin V. V. **The Commanders of the Transcaucasian Military District During 1937–38 and Their Role within the Process of the Mass Political Repression of the Leadership Structure**, *Modern History of Russia*, no. 2, 2016. P. 189–216.

ABSTRACT: This article is about one of the most difficult periods for the Red Army before the Second World War — the period connected with mass political repressions. The authors present material about the activities of the command of the Transcaucasian Military District during 1937–1938 that illustrates the fates of prominent military leaders: the Army Commander of the Second Rank M. K. Levandovskiy, Corps Commander N. V. Kuybyshev, and Marshal A. I. Egorov and provides a deeper understanding of what happened to the country and the army at this time. Based off the example of this military district, there is uncovered a mechanism for changing such an organization's leadership (its Commander, Vice-Chairmen and members of its Military Council); a mechanism which essentially eliminated the command and control system for a strategically important region on the verge of the Second World War. The content of the article is based off of archival documents. These include the orders and directives of the People's Commissar of Defense and the Political Directorate of the Red Army, as well as the official correspondence of Transcaucasian Military District's Command with the People's Commissar of Defense and its personnel agencies, the District's own orders, directives, and statistical reports, the correspondence of its commander with his underlings and with a Special Department of the NKVD, and summaries of the Main Directorate of State Security sent directly to Stalin. A number of documents from the archives are published here for the first time.

KEYWORDS: mass political repression, the command and commanding staff, infantry division, Transcaucasian military district, a Council of War, arrest, the sentence

AUTHORS: *Milbakh V. S.* — Doctor of History, Professor, Head of Humanitarian and Social-Economic Disciplines Department, Mikhailovskaya Military Artillery Academy (St. Petersburg, Russia); v.milbach@yandex.ru; | *Larkin V. V.* — adjunct, Mikhailovskaya Military Artillery Academy (St. Petersburg, Russia); valentin_larkin@mail.ru

REFERENCES:

- ¹ *Lubyanka. Stalin i Glavnoe upravlenie bezopasnosti NKVD. Arhiv Stalina. Dokumenty vysshih organov partijnoj i gosudarstvennoj vlasti. 1937–1938*, Ed. A. N. Yakovlev (Moscow, 2004).
- ² Cherushev N. S. *1937 god: Elita Krasnoj Armii na golgofo* (Moscow, 2003).
- ³ Suvenirov O. F. *Tragedija RKKa 1937–1938* (Moscow, 1998).
- ⁴ Lazarev S. E. *Sovetskaja voennaja elita 1930-nh godov: «Krasnye polkovodcy, kakimi oni byli. Problemy vzaimootnoshenij. Tragedija «chistok»* (Moscow, 2016).
- ⁵ Lvov Yu. 'Komandarm Lvov' in *Rossijskij izbiratel* (Moscow, 2000).